

Она спокойно, неторопливо вытерла тело, переделась в бледно-красную ночную сорочку и попыталась улыбнуться своему отражению в зеркале. Наконец лицо женщины в зеркале стало ей привычным, но как бы сильно она ни старалась улыбнуться, печаль в глубине её глаз стереть было невозможно. Она всё ещё помнила день, когда впервые вышла замуж за Чу Ли, но теперь всё изменилось...

— Скрип.

Дверь отворилась.

Кто-то тихо вошёл в комнату. Цин Ло торопливо отогнала мысли, опустила голову и, застыв у постели в почтительной позе, стала ждать неизбежного. Боль и радость той брачной ночи казались произошедшими всего лишь вчера, но сегодня вечером ей снова предстояло услужить этому мужчине — вот только делала она это уже не ради любви.

Стоило ей только подумать о том, что её вот-вот коснётся мужчина, что её прижмут к ложу, как в душе поднималась невыносимая волна тошноты. Она прикусила губу, изо всех сил сдерживаясь и стараясь выглядеть мягкой и застенчивой, однако её лицо мало-помалу бледнело. Цин Ло думала, что испытывает лишь временный страх и отвращение к мужчинам, но теперь казалось, что у неё действительно развилось глубоко укоренившееся омерзение к противоположному полу.

Включая Чу Ли.

— Госпожа Цин Ло, вы долго ждали. — Чу Ли стоял перед Цин Ло, и голос его звучал ровно, как гладь воды: — Поднимите голову.

— Слушаюсь.

Сердце Цин Ло бешено колотилось. Медленно подняв голову, она в упор уставилась на красивое лицо Чу Ли. В мягком свете свечей его черты казались странно размытыми и нежными, а лёгкая усмешка в уголке губ глубоко вонзилась ей в сердце.

Возвращение в резиденцию князя

На следующий день экипаж Резиденции князя Наньчжао и впрямь прибыл к Борделю Хунсю, чтобы забрать Цин Ло.

Потрясающее выступление Цин Ло минувшим вечером и удача — приглянуться самому князю Наньчжао — сделали её предметом зависти всех девушек Борделя Хунсю, да и Хуа Нянь стала обращаться с ней гораздо учтивее, чем прежде.

Рано утром та лично принесла Цин Ло розовое платье и сказала:

— Цин Ло, раз уж тебе суждено стать людьми Резиденции князя Наньчжао и с этого дня насладиться богатством и славой, я тоже за тебя рада. Только в Резиденции князя Наньчжао множество правил, а тамошние наложницы — все сплошь из знатных родов, и не факт, что они станут смотреть на тебя снисходительно. Будь осторожна в словах и поступках, не давай повода придираться к себе и не позорь Бордель Хунсю.

— Слушаюсь, матушка.

— Лоэр — твоя личная служанка, возьми её с собой, будет тебе хоть одна верная душа. Если не сойдёшься с теми наложницами, поначалу потерпи: главное, чтобы сердце вана было при тебе. Обязательно постарайся как можно раньше родить наследника. Вся эта несравненная красота и сладкие речи — всё это пустое, лишь сын — твоя истинная основа и опора в жизни.

— Цин Ло понимает, спасибо, матушка.

Хотя в своё время, принуждая её продать себя, Хуа Нянь проявила страшную безжалостность, Цин Ло знала, что в глубине души та была добрым человеком, и чувствовала себя искренне благодарной. Облачившись в новые одежды, она ступила в паланкин Резиденции князя Наньчжао и, пока тот неспешно двигался в сторону княжеского поместья, хранила на лице скорбную, но вместе с тем облегчённую улыбку.

Чу Ли, я иду.

Я наконец-то снова вернулась к тебе.

Паланкин въехал не через парадные ворота, а через боковой вход, доставив её в уединённый внутренний двор. Выйдя из паланкина, Цин Ло неторопливо прошла в свою комнату.

Это была очень аккуратная комната, где имелась вся необходимая утварь, однако она шла ни в какое сравнение с прежним Угольком Ив — разница была неизмерима. Не успела она оглядеться, как в помещение вошла пожилая служанка из резиденции. Даже не поклонившись, она заносчиво бросила:

— Госпожа Цин Ло, это дом, который князь пожаловал вам для проживания. Живите здесь с миром и без разрешения не смейте покидать его. В Резиденции князя Наньчжао строгие порядки, и сейчас делами заведует наложница Юэ. Каждое утро вы обязаны являться к ней с утренним приветствием, без опозданий. Хоть князь и привёл вас в резиденцию, титула он вам не даровал, поэтому звать мы вас можем лишь «госпожой», а еда и одежда вам положены по стандарту служанки из тёплых покоев. Правилам резиденции я буду обучать вас постепенно, но одну вещь вы должны запомнить крепко-накрепко.

Тут старая служанка намеренно сделала паузу, ожидая, пока Цин Ло спросит, что именно ей надлежит запомнить, но та лишь невозмутимо налила себе чашку чаю, медленно отпила и даже не взглянула на гостью. Она помнила: эта женщина была кормилицей Цзи Юэ по фамилии Ван. При жизни покойной княгини Ван Момо была самой обычной служанкой, но судя по её нынешнему наряду, она, похоже, уже выбилась в управляющие резиденцией. Воистину: когда в горах нет тигров, обезьяна возомнила себя царём зверей. Цин Ло прекрасно понимала, что Ван Момо делает это, чтобы поставить её на место. Сохраняя полнейшее спокойствие, она продолжала попивать чай и лишь спустя долгое время с улыбкой, будто очнувшись ото сна, произнесла:

— О чём это вы, матушка? Вы сказали столько всего, но у Цин Ло лишь в ушах зазвенело, и я, признаться, ничего не расслышала.

— Ты... Прошу запомнить, госпожа Цин Ло: в резиденции есть запретная зона, и любой, кто посмеет туда самовольно вторгнуться, будет предан смерти.

— Где?

— В Уголке Ив.

Вновь встречая Цзи Юэ

Уголок Ив? Запретная зона — и вдруг это Уголок Ив, где живу я?

Чу Ли, какую игру ты затеял? Сперва запрещаешь мне играть Снова Весну, затем забираешь в резиденцию и заявляешь, что Уголок Ив — твоё табу... Поступая так, ты заставляешь меня ошибочно полагать, будто в твоём сердце всё ещё жива Юй Сыин!

Всё это... лишь показуха для посторонних! Чтобы ты казался верным памяти княгини до гроба, чтобы все забыли, что именно ты толкнул семью своей княгини на плаху!

Чу Ли, до чего же ты жесток!

— Госпожа Цин Ло, вы всё расслышали? Или старой служанке повторить ещё раз?

— Не нужно. Благодарю за наставления, а теперь ступайте.

Цин Ло беззастенчиво выставила гостью за дверь. Ван Момо бросила на неё полный ненависти взгляд и в ярости удалилась. Пока разгневанная служанка уходила, Цин Ло безмятежно попивала чай, в то время как Лоэр с беспокойством произнесла:

— Госпожа, эта Ван Момо — говорят, доверенное лицо наложницы Юэ. Вы так с ней обошлись... пожалуй, это не к добру...

— Я знаю. — Цин Ло на мгновение умолкла, а затем добавила: — Но видеть её не могу.

— Госпожа!

— Ладно, я просто пошутила, тебе не стоит так переживать. Мы и так уже стали бельмом на глазу для всех окружающих. Можно было бы стерпеть унижения ради самосохранения или прикинуться грубой и невежественной, чтобы успокоить остальных, но я не хочу так жить. Я не умею сгибать спину.

— Госпожа...

— Прекрасно зная, что мне придётся несладко, я всё равно остаюсь такой гордой. Сама ненавижу себя за это. — Цин Ло слабо улыбнулась: — Но ничего не могу с собой поделать... Какая же я хлопотная.

В ту ночь Чу Ли не пришёл, и Цин Ло проворочалась до самого рассвета. Сидя у окна, она тихо глядела на одинокую луну в небе. Пусть сменяются династии, пусть рушатся привычные устои, пусть моря превращаются в сушу — луна по-прежнему неизменно проходит через фазы роста и убывания. Поднимаю бокал, приглашая сияющую луну, и вместе с тенью нас трое. Вот только теперь я осталась совсем одна...

— Госпожа, проснитесь! Госпожа!

Неизвестно, сколько прошло времени, но Цин Ло почувствовала, как её отчаянно трясут. С трудом разлепив глаза, она увидела встревоженное лицо Лоэр. Перевернувшись на другой бок, она сонно пробормотала:

— В чём дело, дай мне поспать ещё чуть-чуть...

— Госпожа, настало время утреннего приветствия наложнице Юэ! Если вы опоздаете в первый

же день в резиденции, вас непременно накажут!

— Быстро помоги мне причесаться. — Цин Ло вмиг очнулась.

Когда она, приведя себя в порядок, прибыла в Башню Любования Луной, где жила Цзи Юэ, остальные наложницы уже были в сборе. Цзи Юэ восседала на почётном месте в центре комнаты — гордая, облачённая в тёмно-красные придворные одежды с узором из парчи, а голову её венчали целых восемь ярко сверкавших золотых шпилек. Рядом с ней сидело несколько незнакомых наложниц в розовых и бледно-голубых одеждах — судя по всему, их Чу Ли взял в дом уже после её ухода. Все они были молоды и прекрасны, каждая со своей изюминкой, так что в плане женского внимания Чу Ли явно не был обделён.

Заметив вошедшую Цин Ло, все разом уставились на неё. Цин Ло стояла выпрямившись, холодно глядя на Цзи Юэ. Сцена той ночи, когда та заставила её выпить яд, стояла перед глазами во всех подробностях, а эта женщина мало того что стала наложницей Чу Ли, так ещё и посмела надеть красный цвет, который разрешалось носить лишь главной жене! Цзи Юэ, я вернулась, и всё, что тебе не принадлежит, должно быть возвращено мне.

Наложница Линчжи

Произнесла эти слова яркая, красивая женщина в персиково-красном платье. Её тонкие брови были высоко взметнуты, а фениксовы глаза широко распахнуты — при всей своей красоте она не могла скрыть бушующей в ней спеси и воинственности.

Цин Ло и без того была вне себя от раздражения из-за того, что Линчжи осмелилась отравить Чу Ли, а видя, как эта девица в персиково-красном наряде смеет так неуважительно отзываться о её прежней жизни, разозлилась ещё сильнее. Цзи Юэ бросила на женщину в персиково-красном равнодушный взгляд и с мягкими снаружи, но острыми внутри нотками промолвила:

— Ляньхуа, следи за языком. Если у тебя есть какие-то претензии к решению князя, можешь лично пойти и высказать их ему. Впрочем, нрав вана тебе прекрасно известен. Если он узнает, что ты посмела хулить покойную княгиню, как по-твоему, что он с тобой сделает?

— Эта наложница... осознала свою ошибку.

При мыслях о прекрасном, но безэмоциональном лице Чу Ли Ляньхуа втайне вздрогнула, понимая, что сболтнула лишнего. Бросив косой взгляд на Цзи Юэ и затаив в душе ещё большую обиду за то, что та умеет лишь ублажать князя, она умолкла. Цин Ло же, сохраняя невозмутимый вид и опустив голову, старалась держаться в стороне и не проронила ни слова. Однако мысли её давным-давно унеслись к Линчжи.

Она обязана её спасти.

— Лоэр, помоги мне узнать, в какой части резиденции содержат служанку по имени Линчжи.

Едва вернувшись в комнату, Цин Ло сделала глоток чая и тут же велела Лоэр разузнать новости о Линчжи.

Линчжи была её верной служанкой, сопровождавшей в дом мужа. Хотя официально они числились госпожой и служанкой, на деле были ближе, чем родные сёстры. Стоило Цин Ло вспомнить, как Линчжи терпела всё это время, пока её не было, как выжидала удобного момента и в конце концов рискнула жизнью, чтобы отравить Чу Ли, сердце начинало болеть

так, будто его полосовали ножом. Все её близкие погибли, и Линчжи оставалась единственным человеком на всём белом свете, кто по-настоящему заботился о ней — она ни за что не позволения случиться с ней беде.

Линчжи, жди меня. Я никому не позволю причинить тебе вред.

Лоэр пользовалась неплохой репутацией среди слуг в княжеской резиденции и потому быстро раздобыла сведения о Линчжи. Однако, к её крайнему удивлению, Линчжи оказалась вовсе не горничной Чу Ли, а его пятой наложницей. Пять дней назад Чу Ли провёл ночь в её покоях, а выпив поданную ему чашку супа, внезапно начал харкать кровью — к счастью, подоспевший лекар сумел вовремя вырвать его из лап смерти.

Отравление Чу Ли повергло в панику всю резиденцию. По идее, Линчжи следовало немедленно предать суду, но князь лишь приказал заточить её в сарай для размышлений о содеянном, не став применять суровых наказаний. Узнав об этом от Лоэр, Цин Ло почувствовала, как в груди остро кольнуло — то ли из-за Линчжи, то ли из-за самого Чу Ли.

Линчжи...

Помнишь, как мы сживали за душевными разговорами, и я в шутку предлагала тебе стать наложницей Чу Ли, чтобы мы могли оставаться вместе вечно? Но ты тогда сразу упала на колени, говоря, что сколь бы хорош ни был ван, ты надеешься отыскать лишь одного единственного человека на всю жизнь, с которым состаришься рука об руку, не стремясь к богатству и знатности, а желая лишь прожить век вдвоем, муж и жена. Как же сильно я завидовала тебе тогда! Какими бы крепкими ни были мои чувства к князю, я всё равно была не в силах помешать ему заводить наложниц.

Те давние девичьи секреты всё ещё звучали в ушах, а ты сама в итоге стала женщиной Чу Ли... Прекрасно понимая, что все твои поступки, твоё выжидание и вся эта скрытность были ради мести за меня, почему же на душе у меня всё равно так скребут кошки?

Ты меня ненавидишь?

— Госпожа, князь к вам обращается.

Лоэр слегка дёрнула Цин Ло за край рукава. Та, словно очнувшись ото сна, вынырнула из воспоминаний и растерянно уставилась на Чу Ли, чьи глаза были полны до мозга костей пронзительной печали. Чу Ли не понимал, почему эта прекрасная девушка смотрит на него столь отчаянным взглядом — полным такой скорби, будто они были знакомы уже тысячелетие. Непонятно почему, но он вдруг разозлился. Ему не нравились такие взгляды.

— Цин Ло, ты всего лишь служанка, тебе не дозволено так прямо смотреть на князя. — Чу Ли слегка нахмурился, глядя на неё: — Тебя до сих пор не научили надлежащим манерам?

— Цин Ло проявила неучтивость. — Цин Ло чуть присела в поклоне, не позволяя Чу Ли заметить её усмешку.

— Довольно... Лоэр, выйди.

— Слушаюсь, князь.

Поклонившись Чу Ли, Лоэр поднялась и удалилась, перед уходом бросив на Цин Ло полный

тревоги взгляд — так, будто опасалась, что хозяйка разгневет князя и навлечёт на себя беду. С уходом Лоэр они с Чу Ли остались наедине, и Цин Ло почему-то почувствовала себя неловко. Его дыхание было совсем рядом, а взгляд, казалось, норовил пронзить её насквозь...

Какое же мерзкое чувство.

— [пропуск в оригинале] — внезапно спросил Чу Ли.

Что?

Цин Ло резко подняла голову и ошеломлённо уставилась на Чу Ли, но на лице того по-прежнему царил покой, не выдающий никаких эмоций. Она не понимала, к чему был этот вопрос — была ли это проверка или он что-то заподозрил? Мысли в её голове закрутились с бешеным темпом, но на лице застыло всё то же отрешённое выражение природной наивности. Глядя на почти лишённую эмоций красавицу перед собой, Чу Ли внезапно подался вперёд и легко коснулся её щеки:

— Отвечай.

Не смей трогать меня своими грязными руками!

Чуть ли не на уровне инстинктов Цин Ло резко отшатнулась назад, но не рассчитала размаха и влетела прямо в угол комнаты. Холодная стена заставила кожу на её теле мгновенно покрыться мурашками. Чу Ли увидел, как женщина перед ним сжалась, словно испуганная кошка, заняв оборонительную позицию и приготовившись к атаке, со вздыбленной шерстинкой — на секунду он даже замер, а затем слегка усмехнулся.

Изначально он привёл её в резиденцию лишь из-за её красоты, но никак не ожидал, что она окажется столь забавной женщиной... Похоже, тот, кто её тренировал, прекрасно понимал его желания, да и сама она отлично владела искусством игры в «приближение-отдаление».

Тем не менее, при всей её сообразительности и занимательности, она нарушила его табу, так что оставалось винить лишь собственную удачу. Цин Ло, что мне с тобой делать? Как отыскать того кукловода, что выучил тебя и подослал ко мне? Ты можешь очаровать меня своей красотой, но твоя ошибка в том, что ты заставила меня вспомнить её, всколыхнув погребённые под толщей времени воспоминания...

— Раз ты так меня ненавидишь, зачем пришла в резиденцию? — с лёгкой улыбкой произнёс Чу Ли: — Или я недостоин тебя?

— Князь... Князь шутит.

— Тогда почему ты так ненавидишь мои прикосновения?

— Я просто... не слишком привыкла к столь близкому общению с мужчинами. — Кривя душой, Цин Ло выпалила правду.

— О? Девушка из борделя, которая не любит сближаться с мужчинами — поистине диковинка. Тем более такая утончённая красавица, как госпожа Цин Ло, что так мастерски играет на бамбуковой флейте.

Чу Ли мирно улыбался, изящно и неторопливо наливая себе чаю, но Цин Ло знала: чем спокойнее он выглядел, тем коварнее были его замыслы и тем страшнее он становился. От

этой мысли у неё внутри всё сжалось. Услышав, как Чу Ли вновь заводит речь о бамбуковой флейте, она поняла, что он всё ещё ломает голову над тем, почему она играла именно эту мелодию. Набравшись храбрости, ей пришлось ответить:

— Цин Ло из бедной семьи, училась лишь всяким пустякам, так что лишь позабавила князя. И хотя Цин Ло не ведаёт, почему вам не по душе моя игра на флейте, приказа князя я, разумеется, буду слушаться беспрекословно и больше никогда не прикоснусь к бамбуковой флейте.

— Тебе необязательно так усердствовать. Я не желаю слышать лишь ту мелодию — Снова Весну.

— Слушаюсь.

— Не хочешь спросить почему?

— Цин Ло не смеет.

— Какая умная девчушка. На самом деле эту мелодию я лично учил играть женщину, которую любил больше всего... Но потом она умерла.

Убивать или не убивать?

Она умерла...

Да, Юй Сыин уже давно мертва!

Она мертва, а ты всё ещё твердишь, что она была твоей любимой женщиной — какой в этом смысл? Ты пытаешься обмануть весь мир или самого себя?

— Цин Ло, ты снова витаешь в облаках? — Чу Ли постучал пальцем по столу и сурово посмотрел на неё: — Запомни: когда я говорю, ты должна внимательно слушать и не сметь вести себя столь непочтительно. Я не хочу повторения.

— Слушаюсь.

— Хм... Столь сообразительная питомица наверняка догадывается, почему я выложил тебе столько своих личных тайн.

— Цин Ло не знает. — Сердце девушки сжалось, но она изобразила крайнее недоумение.

— Я не из тех, кто слепо верит людям. Если я рассказал тебе столько всего, то исключительно потому, что в моих глазах ты — уже мертвец. — Чу Ли слабо улыбнулся: — Если не хочешь умирать, ты знаешь, что делать.

— Князь хочет сказать... что я должна умереть? Неужели я в чём-то ошиблась?

— Скажи мне, кто тебя подослал и какова ваша цель. Говори.

Произнеся это, Чу Ли внезапно выхватил висевший на поясе меч. Ледяное лезвие уперлось Цин Ло в горло — пронзительный холод, а по стали уже медленно стекала капля крови, яркая и пугающая, словно распустившиеся цветы красной сливы. Чу Ли смотрел на неё с абсолютным спокойствием, словно на безжизненную мебель, словно на... мертвеца.

Она знала, что он действительно может убить её.

— Я ничего не знаю из того, о чём говорит князь. — Цин Ло одной рукой ухватила за лезвие, пытаясь остановить смертоносное оружие, и с горькой усмешкой произнесла: — Князь, будьте осторожнее, жизнь у человека всего одна. Если меня убьют по ошибке, я ведь уже не воскресну.

— Назови того, кто тебя подослал, и я дарю тебе жизнь.

— Если я скажу, что за мной никого нет, князь поверит? Князь, кажется, забыл: с самого начала всё было так, как пожелает князь — что велел, то я и делала. Я действительно понятия не имею, с чего бы всем этим замыслам Цин Ло оказаться коварными. Цин Ло прекрасно осознает своё скромное происхождение и то, что не достойна княжеской милости, но раз я вам неинтересна, зачем было покупать меня? Мне... нечего в своё оправдание сказать. Я всего лишь слабая женщина, и убить меня для вас проще, чем раздавить муравья. Князь, действуйте.

С этими словами Цин Ло закрыла глаза, ожидая решения Чу Ли. Она знала, что по характеру он жесток и беспощаден, предпочитая казнить тысячу невиновных, чем упустить хоть одного врага, однако в её нынешнем положении у неё не было сил на сопротивление. Единственное, на что оставалось ставить — это на тонкий ум Чу Ли, в надежде, что он временно «отпустит леску, чтобы поймать крупную рыбу».

Она не хотела умирать! Она не желала умирать вот так, не добившись своего!

— Ты не боишься смерти? — Чу Ли посмотрел на её окровавленную ладонь: — Почему не сопротивлялась?

— Я... очень боюсь смерти. У князя выдающееся боевое мастерство, а у меня нет ни шанса на победу. Сопротивление лишь приблизит мою кончину.

— Какая забавная девчонка. Кем бы ты ни была, было бы и впрямь жалко уничтожать столь прекрасное лицо... К тому же ты — та самая, кого он ищет.

Бросив это, Чу Ли резким движением увлёк меч обратно в ножны, заодно оставив на ладони Цин Ло длинный кровавый порез. Не понимая, почему он вдруг остановился и кого имел в виду под словом «он», Цин Ло знала лишь одно: пока что она в безопасности. Тело её отяжелело от слабости, в ногах едва ли оставались силы стоять, а Чу Ли тем временем крепко сжал её за руку и холодно произнёс:

— Если хочешь, чтобы я тебе поверил — выпей Пилюлю Разъедания Сердца Резиденции князя Наньчжао. Ну что, проглотишь её или нет?

Пилюля Разъедания Сердца

...Чу Ли, до чего же ты жесток.

Цин Ло знала, что при Резиденции князя Наньчжао состояло немало искусных мастеров, каждый из которых владел уникальными умениями, и именно эта пилюля служила для Чу Ли инструментом контроля над ними — лишь приняв её, можно было войти в число его доверенных лиц и заслужить его доверие.

Строго говоря, это лекарство правильнее было назвать ядом-гу. Если вовремя не получить

противоядие, этот яд давал о себе знать раз в месяц, и с каждым разом приступы становились всё сильнее: боль, раздирающая сердце на части, была такой, что обычный человек стерпеть её не мог. Она помнила, как в бытность свою княгиней Наньчжао, движимая любопытством к собственному мужу, тайком пробралась в кабинет Чу Ли и своими глазами видела, как отравленный этим ядом слуга в отчаянии покончил с собой, не в силах вынести мук.

Тогда Чу Ли сидел на возвышении и с абсолютно бесстрастным лицом смотрел на него — в его глазах читалось такое равнодушие, какого ей доселе видеть не доводилось.

<http://bllate.org/book/21099/2142162>